ЮРИЙ БАЛКОВ

Харон

Юрий Балков

Харон

«Издательские решения»

Балков Ю. К.

Харон / Ю. К. Балков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907296-2

Книга для тех, кто любит узнавать о реальной, а не надуманной жизни, учиться не на пустых фантазиях, а принимать судьбы живших людей, из непростых перипетий которых и складывается история нашего отечества.

ISBN 978-5-44-907296-2

© Балков Ю. К.
© Издательские решения

Харон

Юрий Кимович Балков

Редактор Лариса Анатольевна Балкова

© Юрий Кимович Балков, 2018

ISBN 978-5-4490-7296-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И увидел он того, кто имел ключи от ада и бездны. У него были длинные, словно бы посыпанные пеплом волосы, и большие голубые глаза. Он повис над столом, и стены кухни как бы раздвинулись, заключая в себя и тенистые акации, и высокие тополя с обрезанными верхушками, и ржавую карусель внизу. В одной руке у него было семь ярких иглистых звезд, а в другой острый меч.

«Будь верен Мне до смерти, и Я дам тебе венец жизни,» – произнес он, раскачиваясь над столом.

Ему показалось, что Он пришел за ним, и сердце сжало острой болью. Стало жаль себя.

«Не бойся, – сказал он. – Побеждающему дам вкусить от древа жизни, которое растет посреди рая Божия».

Лиловые тучи разорвали длинные и острые, похожие на копья небесных воителей, молнии, трижды прогремел гром, а чуть погодя черное небо опоясала золотисто-алая радуга вечного завета.

«Скоро наступит время жатвы, – сказал Он на прощание. – Имеющий уши да услышит. На белом камне будет написано твое новое имя».

А потом он увидел широкую огненную реку и услышал отчаянные стоны многих тысяч людей, которые никак не могли выбраться на берег.

Было ли это, не было ли?.. Такое чувство, что мавлоки снова пришли к нему и сыграли с ним злую шутку.

Ночь за окном, ночь в доме. Кухня снова приобрела привычные очертания: разбитый сервант в углу, узкий дубовый стол у окна, гора немытой посуды в раковине, изжеванные окурки в пепельнице из оленьего рога, и неистребимый тяжелый запах, вьевшийся, казалось, в грязно-серые известковые стены.

Мавлоки: юркие, вездесущие, безжалостные, – они уже давно преследуют его. Их нельзя увидеть трезвыми глазами, но он знает, что они похожи на больших крыс с человеческими лицами. Они всегда приходят ночью и подолгу мучают его.

Иногда вода журчит в кране, а ему кажется, что это и не вода вовсе, а торопливый говорок мавлоков, придумывающих ему очередную пытку.

Он уже давно привык проминать жизнь в одиночку. Привык и разговаривать сам с собою. Вот и сейчас, глядя в черный провал окна, обронил мрачно:

«Здравствуй, здравствуй, черт мордастый». И непонятно чему улыбнулся, потянулся за сигаретой, но раздумал курить. Нашел под столом початую бутылку «Столичной», плеснул себе водки в кубастенький стаканчик. Выпил молча, закусывая черствой краюхой хлеба.

Мысли путались и мешались. Картины из прошлого с удивительной быстротой сменяли друг друга. Мелькали шумные разноязыкие города, унылые, словно бы придавленные нуждой деревни, разноцветные семафоры и полосатые шлагбаумы, издали похожие на долговязых арестантов, и бесконечные ухабистые дороги. Не было только людей. Одни мавлоки – тучи мав-

локов, звенящих в воздухе, кружащих перед самым носом и как бы норовящих залезть ему под воротник рубахи. Но скоро картина стала проясняться. И он увидел искривленное усмешкой, с оттопыренной нижней губой женское лицо, которое вдруг отчаянно заголосило:

«Не целуй меня, я не Богородица. От меня Иисус Христос все равно не родится».

Он поперхнулся, сплюнул на пол.

«Врешь – не возьмешь!» – произнес гневно.

И снова все замелькало и закружилось перед глазами. Он тряхнул лохматой, в жестких седых кудрях головой и с силой ударил себя кулаком в грудь. Спустя минуту показалось, что на подоконнике сидит безногий старик с гармошкой.

«Ну, чего ты, играй!» – крикнул нетерпеливо.

«А пошто бы не сыграть? Можно и сыграть,» – глухо отозвался старик, и, растянув меха, затянул лихо:

«Моя милка бравенька, как бутылка маленька. В ичиги обуется, как пузырь надуется».

Когда, где, в какую пору он впервые услышал эту разбитную частушку? Почему ничего не осталось в памяти? Одна пустота – всесильная, цепкая, затягивающая в неизвестность.

«Ты, случаем, не с Байкала?» – спросил у старика, но тот ничего не ответил и стал медленно растворяться в воздухе.

О, Боже, отчего они все уходят, почему никто не хочет поговорить с ним?.. Иль мавлоки уже взяли его душу?..

А старик наверняка из карымов. Лицо у него братсковатое, скуластое. Ему так хотелось поговорить с ним. Он даже знал, с чего начнет…

«Перво-наперво Господу надо поклониться и лоб перекрестить, – говорил ему дед, когда собирался на море. – Байкал не любит легкого к себе отношения. Иной раз сплавку начнешь, не успеешь оглянуться, как волна идет с бегунками».

Он хорошо знал, что это такое. Все живое в ужасе разбегалось, спеша укрыться в тайге и в скалистых расщелинах, когда на гребнях волн появлялись узорчатые полоски пены. Однажды дед перед бурей пошел привязывать лодку, и Байкал рассвирепел, накрыл его волной, а потом вместе с баркасом выбросил на берег. Лодка разлетелась в щепки. Дед долго не мог вымолвить и слова, и лишь когда опрокинул в себя стакан чистого спирта, занюхивая по привычке рукавом рубахи, произнес с почтением:

«Суров, батька! Суров!..»

Дед был суеверен. Он всегда рыбачил один, словно бы боялся дурного сглаза. Уходил на море тихо и незаметно, а возвращался с удалыми песнями и матами. Он не помнит случая, чтобы дед ничего не поймал.

Вечером бабка разрешала ему выпить. И дед, довольный, наливал себе полный стакан и пил, не морщась, точно бы это была не водка, а молоко, закусывая малосольным омулем и черемшой, а потом выходил на высокое крыльцо и подолгу сидел там, задумчиво глядя на звездный купол неба и зубчатые вершины скал.

«Осколочно-фугасным, прицел ноль-ноль семнадцать. Беглым – огонь!» – часто кричал он по ночам, и бабка суетилась возле него, шепча сквозь слезы:

«Опять, сердешный, воюет. И когда это кончится?»

А еще он помнит, как дед пел по праздникам, раскачиваясь на скрипучем, с гнутой спинкой стуле:

«Выпьем за Родину, выпьем за Сталина, выпьем и снова нальем. Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто замерзал на снегу, кто в Ленинград пробирался болотами, ребра ломая врагу…»

Непрошенная слеза покатилась по впалой щетинистой щеке, и он не стал вытирать ее, боясь, что с таким трудом вызванные воспоминания могут улетучиться и надолго исчезнуть.

Свинцовая гладь Байкала, рукастые сосны на берегу, двурогий месяц, зависший над угрюмыми скалами…

Он видел это так хорошо и ясно, что от избытка впечатлений начинало ломить в груди. Скоро унылое очарование осени сменили ледовые торосы, сверкающие на солнце остро отточенными гранями, кипящая вода в ордани, пара серебристых подъязков, запутавшихся в неводе – его первая добыча. Эти маленькие радости испытал, наверное, каждый человек в Сибири. И при желании их можно вернуть. Но тогда отчего они теперь кажутся столь далекими и недостижимыми?

Бабка крестила его младенцем в полуразрушенной деревенской Церкви. Народу собралось немного: престарелый священник, про которого говорили, что он просидел в тюрьме едва ли не половину своей жизни, две монахини, непонятно как появившиеся на байкальском обережье и однорукий колхозный сторож, приходившийся деду дальним родственником.

Ему рассказывали, что после того, как священник искупал его в купели и миропомазал, все стали искать для него нательный крест. Бабка заохала и запричитала, намеревалась пойти домой. И тогда одна из монахинь жестом остановила ее, сняла с себя почерневший от времени кипарисовый крестик, и передала батюшке со словами:

«Он наш»…

Ему было совестно перед стариками за свою бестолковую жизнь. Уже месяц пребывал в тяжелом запое. И никак не мог остановиться. Такого с ним еще не случалось. Каждое утро говорил себе, что сегодня бросает пить, однако к вечеру снова набирался и, пугая соседей, крушил в доме все, что попадалось под руку. На прошлой неделе разбил вдребезги магнитофон и телевизор. А сегодня ни с того ни с сего выбросил с балкона проигрыватель. Больше всего его беспокоила душевная раздвоенность. Он как бы разделился сам в себе. Одна его половина была еще способна трезво мыслить, другая же стремилась лишь к тому, чтобы поскорее забыться и уйти от реальности.

Мавлоки… Человеко крысы… Но дело не только в них. Самое страшное, что в последнее время он даже не пытался сопротивляться, когда они нашептывали ему: все кончено, жизнь проиграна, добей ее и приходи к нам.

Раньше его звали Тимофеем Юшмановым, а теперь все кличут Хароном. Перевозчиком мертвых.

Фамилия его новгородского корня. Ушкуйники называли кольчугу «юшманом».

Он привык во всем искать скрытый смысл. Что общего между броней ушкуйника и паромщиком из царства мертвых?.. Вроде бы совершенно разные понятия.

Нужная мысль постоянно ускользала. Харон, юшман, новгородцы… Его размышления были похожи на нечеткие следы, оставленные в густой траве.

Он не находил ничего зазорного в том, что работает гробовщиком в похоронном бюро. Кому-то нужно заниматься и этим делом. Нравится ему, нет ли, однако в памяти людей, что его сейчас окружают, он навсегда останется Хароном. Перевозчиком мертвых.

Тимофей усмехнулся. Как громко и напыщенно: в памяти людей, перевозчик мертвых… Да кто он такой? Все забудут о нем сразу же после его смерти.

Он разлил в стакан остатки водки, и, стараясь не смотреть на нее, выпил одним глотком. И тут же закашлялся, содрогаясь всем телом. Когда снова пришел в себя, обожгла мысль, что его юшман пробила чечетка.

Да-да, именно чечетка. Он научился отбивать ее еще в деревне, и плясал столь непринужденно лихо и вдохновенно, что со временем его стали приглашать на каждую гулянку.

Дед злился на внука, говорил с раздражением:

«Что ты бегаешь от дома к дому, яко черт от грому. Давай бросай эту хреновину и берись за ум. А то скоро будешь, как тот цыган, который часто лошадей менял, да чуть с одной уздечкой не остался».

И Тимоха послушался его совета и уехал в город, где с первой попытки поступил на деревообрабатывающее отделение лесотехнического института. Он получил в библиотеке целую кипу учебников, и начал строить серьезные, далеко идущие планы относительно своей будущей жизни. Однако все пошло кувырком, когда впервые отбил чечетку на дне рождения у студенческого товарища.

Гости взревели от восторга, и наперебой стали приглашать его к себе. Тимоха в одночасье сделался популярным, и скоро слава о нем вышла далеко за пределы студенческого общежития.

Харон выпрямился на стуле, по привычке щелкнул в пустоту комнаты пальцами, запел хрипло:

«Только вот ругает мама, что ночами дома нету,
что я слишком часто пьяный
бабьим летом, бабьим летом.
А я кучу напропалую с самой ветреной из женщин,
ведь я давно искал такую,
и не больше и не меньше».

Сейчас он даже не помнит, как выглядели девчонки с его курса, которые почти все были влюблены в него. У одной, кажется, были туго вьющиеся черные волосы и длинные гибкие руки. Она любила красить ногти гранатово-красным лаком. Но почему он запомнил только ее?..

Взгляд упал на сломанные часы с кукушкой, которые были косо прибиты к стене. Харон написал на них: ушла в декрет.

Вздох притворного блаженства, пылающие щеки, мокрые, свалявшиеся ресницы, сдавленный смешок… А ведь он чуть не женился на своей однокурснице. У них было все: и страстные поцелуи в подъезде, и шумные вечера, и долгие ночи… Но стоило ему сделать ей предложение, как она стала отдаляться от него, а потом и вовсе исчезла из его жизни.

Тимоха так и не понял, что случилось, погоревал с месяц, хотел было уехать в деревню, но в последнюю минуту раздумал. И отчаянно-бесшабашная жизнь снова закружила его, вынося из переполненных ущелий студенческих общежитий на ночной простор городских улиц с их бесконечными соблазнами и дикими страстями. За год Тимоха познал то, на что у других уходят десятилетия. Правда, эти знания оказались совершенно бесполезны в нормальной жизни.

Он даже не помнит, как учился тогда, да и учился ли вообще? И поэтому неудивительно, что на втором курсе его с треском выгнали из института. Но Господь не оставил Тимоху своей милостью. Он сразу пошел работать на стройку, и уже через полгода ему выделили новенькую однокомнатную квартиру в большом пятиэтажном доме…

«Ушла в декрет,» – мысленно повторил Харон, и начал медленно, опрокидывая табуретку, сползать на пол.

Черные точки заплясали перед глазами, и скоро все вокруг оказалось залито мраком. Он не различал ни потолка с медленно раскачивающейся лампочкой под бумажным абажуром, ни убогого стола на резных ножках, за которым только что сидел, ни журчащей батареи в углу. В ушах стоял невыносимый звон, и было такое ощущение, что он стремительно падает в пропасть. На миг в темноте появились уродливые женские лица с ярко накрашенными губами, и Харон увидел в их глазах мертвенно-животную глупость, и ему стало страшно, что Господь обручил его с ними до конца времен.

Он облегченно вздохнул, когда они исчезли, с трудом прополз на коленях до угловой стены, поднял табурет, и, как на плаху, положил голову на грубо сбитое сиденье.

Звон тотчас прекратился. С тупым равнодушием, словно бы ожидая неизбежного конца, он смотрел на ребристую чугунную батарею, а видел серебристую листву осин и мглистые ели.

Ему слышались пересвист снегирей, теньканье синиц, пение желтогрудых зорянок и крики кедровок, бесшумно перелетающих с дерева на дерево, которые словно бы говорили:

«Мы живем в лесу, молимся колесу».

Провожая в город, дед размашисто перекрестил его, сказал

задумчиво глядя куда-то вдаль:

– От Божьей росы мое благословение и от матери Земли.

Харон с тоской подумал, что сильно провинился перед Господом. Ведь ему не помогло даже родительское благословение. Девушка, которую он любил горячо и страстно и с которой хотел связать свою жизнь, просто сбежала от него.

Они два раза назначали день свадьбы, но оба раза были вынуждены откладывать ее. Сначала у Тимохи умер дед, а потом и бабушка ушла за последнюю черту. И в этом мнилась какая-то чудовищная закономерность. Старики точно бы противились его женитьбе. Думать так было грешно. Сколько себя помнит, они желали ему только добра. И не их вина, что смерть приходила за ними в самое неподходящее время.

Он познакомился с Русланой на шумной вечеринке. Она была в тончайшем белом платье и шелковой косынке, наброшенной на узкие плечи.

Стоило ему щелкнуть пальцами, как кто-то из гостей услужливо подставил раскладной стульчик, и он взлетел на него, как сокол, а оттуда перепрыгнул на ломящийся от разнообразных закусок стол и, сцепив на затылке руки, начал лихо отбивать чечетку между рюмками и бокалами.

– Давай, братка, жми! – кричала возбужденная толпа, но он не обращал на нее внимания.

Спрыгнув со стола, подошел к Руслане, которая скромно стояла в углу, сказал весело, протягивая руку:

– Тимофей.

Девушка чудно улыбнулась, хлопнув двойными ресницами, и вложила в его широкую мозолистую ладонь свою маленькую теплую руку:

– Руслана.

– Ишь ты? – искренне удивился Тимоха и осторожно пожал ее узкие загорелые пальцы, а потом взял девушку под локоть и провел к столу.

Он усадил ее с краю, а сам, желая еще раз блеснуть перед девушкой, пошел исполнять цыганочку.

Тимоха сразу понял, что она чужая здесь. Разгоряченный вином, народ вел себя довольно развязно. У Русланы стыдом обдавало щеки, и все замирало в груди, когда кто-нибудь из парней приставал к ней. Позже она призналась Тимохе, что оказалась на вечеринке случайно, и уже готова была уйти, когда он предложил ей прогуляться по городу.

Юшманов не торопил события. Он чувствовал, что пришелся девушке по душе и боялся неосторожным словом обидеть ее, украдкой раскидывая сети, в которые Руслана обязательно должна была угодить, но она, как байкальская рыбка голомянка, за версту чуяла опасность и отказывалась от всех его заманчивых предложений.

Так продолжалось целое лето. А потом он вдруг понял, что не может жить без нее, и написал Руслане длинное и обстоятельное письмо, в котором признался ей в любви. Честно говоря, Тимоха даже не надеялся на ответ, девушки презирают тех, кто боится сказать о своих чувствах прямо в глаза. Велико же было его удивление, когда однажды вечером Руслана пришла к нему со стареньким, обтянутым желтой кожею чемоданом.

– Я согласна, – заявила она с порога, и он обнял ее и прижал к груди…

На улице широко и шумно шел дождь. Ветер открыл форточку, но Харон не стал закрывать ее. Резко пахнуло сиренью.

Нетвердой походкой Юшманов направился в комнату, и прилег на кровать, подложив под голову старенький армейский бушлат. Спать не хотелось. Он словно бы включил заезженную пластинку, которая повторяла одну и ту же мелодию:

«Плыл по городу запах сирени,

я твои целовал колени».

…Руслана сразу вошла в его дом хозяйкой. Она любила заботиться о нем, и он тоже старался во всем угодить ей. По выходным они часто выезжали за город, и Харон до сих пор помнит неутомимых черных муравьев в сосновом бору, звенящую мошку, синюю смородину у реки. Помнит, и как пахли медом розовые колоски гречихи. Им было хорошо вдвоем, и весь мир, казалось, существует только для них. Но уже тогда он заметил, что Руслану что-то беспокоит. Нет-нет да и вспыхивала тревога в ее раскосых, изголуба-серого цвета глазах.

«Христовенький ты мой, что же с нами будет? – не раз спрашивала его ночью Руслана, с готовностью подставляя для поцелуя свои мягкие податливые губы. А он не принимал ее слова всерьез. Ведь у них все было хорошо, и никто не мог омрачить их тихого счастья. И лишь однажды он не на шутку встревожился, когда Руслана резко оборвала его.

– Хватит болтать о будущем, – сказала гневно. – Уж лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой. Радуйся тому, что имеешь.

Юшманов чувствовал, что Руслана хранит какую-то тайну, однако боялся спросить об этом.

После смерти его стариков она и вовсе замкнулась в себе. Юшманов как мог успокаивал ее, говорил, что это просто совпадение и в следующем месяце они обязательно поженятся, но она лишь грустно улыбалась в ответ. А однажды, придя с работы, он не застал Руслану дома.

Юшманов долго искал ее. Поднял на ноги всех друзей и знакомых, однако Руслану никто не видел.

Неопределенность мучала и угнетала его. Казалось, что Русланы уже нет в живых. Он уже готов был обратиться за помощью в милицию, когда одна из ее многочисленных подруг позвонила ему по телефону и сказала, что она уехала в другой город.

«Ну и Бог с нею!» – разозлился Тимоха и замкнулся в себе. Однако потом ему стало так плохо, что уже не мог больше оставаться дома. Повсюду мерещилась Руслана.

Он быстро собрал свои вещи и пошел на вокзал, где сел в первый попавшийся поезд, который повез его навстречу неизвестности.

Тогда ему хотелось поскорее забыть и Руслану, и все, что было связано с ней. Не удалось…

С той поры минуло двадцать лет. Однако нынче у него такое чувство, что по-настоящему жил только тогда. Все, что случилось потом, было до того уныло, скучно и однообразно, что об этом даже не хотелось вспоминать. Сейчас он даже не скажет, как оказался в маленьком, утопающем в нежной зелени яблоневых садов городе на берегу Днестра. Да так ли это важно? Он перестал радоваться жизни с той самой минуты, когда Руслана ушла от него…

Сердце в груди ворочалось медленно и тяжело. Харон приподнялся на кровати, и, упершись затылком в холодную металлическую спинку, произнес мрачно:

– Что же ты покинул меня, друг перший?

Слова эти были адресованы к старику-соседу, который умер на прошлой неделе.

Он любил с ним выпить. Старик был наполовину татарин, наполовину узбек. Харон в шутку величал его Абдуллой. Однако старик не обижался.

– Как жизнь? – спрашивал Харон.

– Конусом, – бойко отвечал старик. – Иду мелким шагом, робким зигзагом.

На его языке это означало, что жизнь катится к своему концу. Но Харон не припомнит случая, чтобы старик отказался от выпивки.

– Хвала Всевышнему! – обычно говорил Юшманов, наливая ему полный стакан.

– Воистину воскрес! – отвечал старик.

Харон улыбнулся: веселый был сосед, царствие ему небесное. Он и вспомнил-то старика сейчас, чтобы избавиться от мыслей о Руслане, которые стали тяготить его.

Харон почувствовал необычайную ясность в голове, и, как это уже не раз бывало, стал мысленно разговаривать сам с собой. Это было похоже на тренировку ума. Если бы он этого не делал, то уже давно сошел бы с ума.

Харон даже выпрямился теперь на кровати, и скрестил на груди руки.

«Почему мир так велик? – спрашивал у себя и тут же отвечал. – Да потому, что Господь не отвергает ни одной песчинки».

Харон подумал, что все русские люди живут ожиданием лучших времен, которые так и не наступают. Раньше ему тоже казалось, что впереди целая жизнь, а сейчас выходит, что у него нет будущего. Грустно. И что за время приспело, чтоб его волки сожрали!

Дождь как-то незаметно поутих, потом и закончился. Легкий ветер раскачивал ветви деревьев за окном, дробя зеркало лунного света на сотни зыбких осколков.

«А ведь это про меня сказано, – с тоской подумал Харон, вспомнив полюбившийся ему библейский отрывок. – Не расточай имущества своего. Сегодня ты продал кольцо, завтра – цепочку. А потом у тебя не будет даже слез, чтобы плакать».

Харон почувствовал ноющую боль в спине и повернулся на бок. Где-то вычитал об отшельнике, который, поддавшись искушению, уверовал в то, что способен исцелять людей. Когда он умер, земля не приняла его. И отшельника похоронили за кладбищенской оградой, где обычно хоронят самоубийц. А ведь он не сделал людям ничего дурного…

Думая так, Харон закрыл глаза и тотчас провалился в ночную пропасть, забывшись тяжелым тревожным сном.

Утром его разбудил какой-то грохот за окном. Сначала ему показалось, что началась гроза, но потом раздался сухой треск автоматных очередей, и он ясно услышал внизу судорожно втягивающийся в душу крик: а-аа-аа!..

Не отдавая отчета в том, что делает, Харон надел бушлат и выбежал на улицу.

Он был поражен тем, что увидел. Земля сотрясалась от разрывов артиллерийских снарядов, из разбитых окон соседних домов густыми клубами валил дым, а на усеянном битым стеклом тротуаре ничком лежал человек.

Харон подбежал к нему, повернул на спину. Это был цыган Яша из третьего подъезда. Он часто одалживал у него деньги, говоря в шутку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.